

УДК 304.5

**РОССИЙСКИЙ ОСОБЫЙ ПУТЬ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ****Упоров Иван Владимирович**

д.и.н., к.ю.н., профессор

Краснодарский университет МВД России

uporov@list.ru

Аннотация

Выявляются признаки и основные тенденции глобализационных процессов, участником которых являлась Россия, показывается особенность России на различных исторических этапах. Охарактеризована противоречивость позиции России, которая то приближается, то отдаляется от общих глобализационных процессов, что негативно сказывается на уровне социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: Россия, глобализация, Европа, развитие, государство, общество, территория, идея.

**RUSSIAN SPECIAL WAY:
HISTORICAL MILESTONES IN CONTEXT
GLOBALIZATION PROCESSES****Ivan V. Uporov**

Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

uporov@list.ru

ABSTRACT

The author reveals the signs and main tendencies of globalization processes, in which Russia was a participant, shows the peculiarity of Russia at various historical stages. The contradictory position of Russia is characterized, which is either approaching or moving away from the general globalization processes, which negatively affects the level of socio-economic development of the country.

Key words: Russia, globalization, Europe, development, state, society, territory, idea.

Введение. Процесс глобализации, о котором в настоящее время все чаще говорят на различных дискуссионных площадках, отнюдь не является порождением современности –

он начался одновременно с развитием человеческого сообщества, и наиболее наглядно это стало проявляться с распространением религии, и прежде всего христианства как наиболее системного вероучения - после его принятия Римской империей, представлявшей центр древней цивилизации (здесь же можно отметить более поздние крестовые походы). Общая религия внедряла и общие ценности, пока еще духовно-нравственные, и в этот расширявшийся религиозный ареал по мере восходящего развития человечества попадали все новые и новые территории. Одновременно с религиозной осуществлялась (и осуществляется до сих пор) экономическая глобализация - торговые отношения также способствовало установлению и развитию общих правил поведения. Древняя Русь в этом смысле не стала исключением, восприняв христианство и расширяя торговлю с соседними территориями. Вместе с тем процесс глобализации в историческом контексте в отношении России исследован еще недостаточно.

Цель статьи заключается в обосновании наиболее характерных признаков, которые были присущи российскому государству на его историческом пути в процесс глобализации.

Результаты и их обсуждение. После довольно длительного периода государственно-территориальной нестабильности, со времен Ивана Грозного, Московская Русь стала позиционировать себя как европейское государство [1, с. 26; 2, с.49], но, вместе с тем, восточная (азиатская) составляющая тогда уже была довольно существенной, учитывая значение религии в то время (православие византийского толка). При этом в азиатском направлении от границ русских земель после распада Орды не наблюдалось организованной, «стационарно» и стабильно функционирующей государственности, что было обусловлено прежде всего отсутствием населения, способного создать такую государственность, а также суровыми климатическими условиями. И если называть вещи своими именами, то основная часть нынешних Сибири и Дальнего Востока представляли собой никем не закрепленное и не защищаемое территориальное пространство, обреченное на овладение таковым более мощным социальным сообществом, каковым и стало объединенное (после периода раздробленности) Московское государство, опередившее несколько ослабевшую в средние века китайскую империю. Кроме того, централизованное русское государство в юго-восточном направлении также сумело присоединить, с применением силы, некоторые земли.

Сочетание указанных факторов позволило Московскому государству в относительно короткие сроки значительно расширить свою территорию, подчинив малые и покоренные народы под свои порядки и управление, что свидетельствовало о появлении на международной арене сильнейшего игрока, а это означало высочайший уровень пассионарности русского народа [3, с. 41] (вместе с тем природа этой пассионарности вряд ли может найти рациональное объяснение, поскольку такой вопрос сводится к тому, что и кому дано изначально самой природой).

И уже на этом этапе в России стали формироваться черты, которые обуславливали ее особость среди других европейских государств. Во-первых, Россия стала (и остается) крупнейшим по территории государством. Во-вторых, присоединение новых территорий к Московии осуществлялось преимущественно путем колонизации и ассимиляции местного населения, без враждебно-военных с ним конфликтов, и, что принципиально, новые территории становились полноценной и легитимной территорией Московского государства. В-третьих, в российском государстве не без влияния Орды (данничество как «подобие рабства» [4, с. 47]) стало формироваться масштабное сословное расслоение на основе отношений «хозяин(господин)-холоп», несколько позже трансформированное в абсолютизм и крепостничество. В-четвертых, Россия становилась полиэтническим государством, и уникальность этого явления, когда в одной стране уживаются, обладая по

меньшей мере культурной автономностью, казалось бы, совершенно непохожие народы и народности, до сих пор поражает воображение.

И с середины XVII в., как представляется, были созданы два центра влияния на мировое развитие: Европа (Англия, Испания, Франция, Португалия, Дания, Швеция и др.) и Россия, причем европейские государства, несмотря на локальные войны друг с другом, представляли собой единый вид цивилизации (создание Европейского Союза в середине XX в. подтверждает это).

С того времени человеческая цивилизация перешла к следующему этапу глобализации – теперь уже с позиции развитой государственности (аппарат госуправления, армия, дипломатия, правоохранительные органы, территориальные границы, налоги и т.д.). Это проявлялось в распространении ведущими государствами на завоеванных и контролируемых территориях своих культурных (включая язык, письменность), правовых, экономических и иных ценностей и достижений научно-технического прогресса, что позволяло без особого труда осуществлять коммуникацию на громадных территориальных пространствах разных континентов.

При этом Европа и Россия действовали во многом сходным образом (захват территорий, организация подконтрольного регионального управления, выкачивание из окраин ресурсов в интересах метрополии-центра и т.д.). Тогда они еще не сталкивались друг с другом, поскольку свободного мирового пространства еще хватало всем сильным государствам. Однако схожесть не устраняла различий – применительно к России управление огромными территориями было невозможно без жесткой централизации власти, и, соответственно, права человека, если использовать современную терминологию, уходило на второй план перед целью сохранять, укреплять и приумножать территорию государства, то есть ценность государственной территории была выше ценности человеческой личности, что вполне устраивало правящую элиту, поскольку давало возможность обогащаться за счет провинций и бедности провинциального населения. Такой подход усугублялся указанной выше восточной составляющей в менталитете российского общества.

Соответственно глобализация осуществлялась двумя параллельными потоками. Первый поток – европейский, в рамках которого Европа, обладавшая морскими портами и соответственно более эффективными водными транспортными путями, сумела «глобализовать» американский континент, Австралию, значительную часть Азии и Африки, то есть, по сути, преобладающую часть земного шара. Вторым потоком – российский, в рамках которого Россия, в дополнение к сибирско-дальневосточным землям, приросла еще несколькими территориями, включая Украину, а еще позже в Россию вошли «Белоруссия и Литва (Западные губернии), Прибалтика (Остзейские губернии), финские земли (Старая Финляндия)» [5, с. 231] и другие земли.

Как видно, тогда главным критерием глобализации являлся территориальный признак. Европа в целом по сравнению с Россией в этом смысле преуспела, однако если указанный признак отнести только для одного государства, то, безусловно, Россия вырвалась далеко вперед, что, безусловно, свидетельствовало о нарастающей силе российского государства. Эта сила была проявлена как в петровскую эпоху, так и в последующие годы XVIII и начала XIX вв. Квинт-эссенцией можно считать, очевидно, неосуществленное намерение Екатерины II завладеть Босфором и Дарданеллами [6; 7] (здесь важен сам факт постановки такой цели в связи с провозглашением России «Третьим Римом»), а также осуществленную Александром I распорядительную функцию по мировому устройству после победы над Наполеоном, здесь же отметим парад русских войск в Париже, то есть Россия и буквально, и глобализационно вошла в Европу на

предельно близкое расстояние, что позволяло говорить о России как о главном тогда европейском государстве в общем глобализационном процессе.

Но это был только краткий миг российско-европейского единения, на большее не позволяли имевшиеся различия. Особость России здесь заключалась в том, что ее внешне политические успехи сопровождались ослаблением и ухудшением внутреннего политико-правового, нравственно-этического и экономического положения. Восстание декабристов показало, что без реальных реформ демократического характера Россия может выпасть из общемирового пути развития. Однако укоренившееся крепостничество, привилегии аристократии и в целом правящей элиты, терять которые они не собирались ни при каких условиях, неспособность императоров (и прежде всего Николая II) понять динамику общественного развития и отказаться от «данной свыше» миссии управлять государством в пользу народных представителей, существенно ослабили страну, и на этом фоне даже отмена крепостного права и иные реформационные меры второй половины XIX в. уже не могли изменить тенденцию по ухудшению ситуации (поражение в Крымской войне, террор народолюбцев, поражение в русско-японской войне, революции 1917 г. и др.).

В результате событий начала XX в. сословный строй был зеркально перевернут на классовый («кто был никем, тот станет всем...»), и такая радикализация в столь важнейшем государственном деле не могла не иметь разрушительного характера - Россия надломилась территориально (потеря Польши, Финляндии) и оказалась в страшном огне Гражданской войны. Последовавший период советского государства можно, вероятно, считать попыткой осуществить идейно-политическую (социалистическую, коммунистическую) глобализацию, которая, впрочем, не удалась, и опять же, в силу догматического восприятия и переоценки единственного, как считала партийно-советская руководящая верхушка, направления, по которому должны следовать все народы и государства («Наша цель - коммунизм!»). Здесь особость советского государства заключалась в том, что СССР являлся единственным крупным государством, где была предпринята реальная попытка поставить политическую идею выше объективного хода общественного развития. Некоторый период (очевидно, до рубежа 1960 г.) эта идея оставалась привлекательной, однако последовавший период стагнации экономики разрушил веру в нее у советских людей. Результатом отхода от всеобщей глобализации стали распад СССР в 1991 г. и новые территориальные потери России как правопреемника советского государства (отделились все без исключения союзные республики).

После этого Россия вновь вошла в общий глобализационный процесс, свидетельством чего является всенародное принятие Конституции России 1993 г., где нашли отражение все основные ценности современной цивилизации, последующее включение в общеевропейские структуры, признание всех основных конвенций, развитие рыночной экономики и т.д. И мы не можем согласиться при этом, что «следствием подобных реформ стало резкое падение патриотизма» [8, с. 47]. Однако довольно скоро российская правящая элита во главе с Б.Н. Ельциным посчитала, что Россия представляет собой самостоятельный мир, претендующий на особое место в мировой системе. Сейчас редко вспоминают о том, как в 1990-е гг. в официальной «Российской газете» была объявлена дискуссия на выявление «русской идеи» для новой России (по типу «самодержавие, православие, народность»). Однако итогового результата не получилось, русская идея так и не была объявлена. Очевидно, в мире, который глобализируется уже на уровне условности государственных границ (ЕС, ЕАЭС) сама постановка такого вопроса вряд ли оправдана, ибо глобализация стирает национальные идеи и сводит к минимуму национальные различия.

Выводы. Глобализационные процессы не означают, конечно, что у страны не должно быть своих, только ей присущих особенностей, и у России была и остается своя особенность – сегодня она, как и несколько столетий назад, заключается в огромной территории, множестве проживающих вместе народов и народностей, открытости и доброжелательности российских людей, одновременно очень высоком (увы) уровне коррупции и бюрократизации, других характеристиках. Все это нужно учитывать органам публичной власти, имея в виду главную цель – повышение уровня жизни граждан, что, как показывает история, невозможно достигать в отрыве от общих процессов глобализации, и в этом смысле не можем согласиться с тем, что «глобализация ведет к ослаблению государства, поскольку способствует уходу государства от регулирования ряда важных сфер» [9, с. 25] – примеры других стран не подтверждают этого тезиса, разумеется, при разумной внутренней и внешней политике. Нужно еще иметь в виду, что все страны существуют на одной-единственной планете, другой не будет. И об этом нельзя забывать, защищая национальные интересы на международной арене, где для России в настоящее время сложилась непростая ситуация, которая, как и в прошлые времена, показывает что пока Россия еще не нашла своего места в общемировых процессах, а это, в свою очередь, возможно лишь при стабильных общественных отношениях внутри страны, основанных на принципах демократизма, справедливости, законности, на что и должны быть направлены основные усилия государства, бизнеса и гражданского общества.

Список литературы

1. Злобин А.Н., Черенков Р.А., Борисова А.А. Принятие Петром I императорского титула в контексте эволюции представлений о характере московских государей // Известия Самарского научного центра РАН. 2018. Т. 20. № 3. С. 22-28.
2. Талина Г.В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII - первой четверти XVIII века. М.: Русский мир, 2010. 448 с.
3. Сугрей Л.А. К вопросу о традиционности русского правосознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 1 (73). С. 37-46.
4. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 1996. 512 с.
5. Кодан С.В., Февралев С.А. Местное право национальных регионов Российской империи в политике верховной власти (вторая половина XVII - начало XX в.) // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 224 - 235.
6. Цымбургский В.Л. Дваждырожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 5-33.
7. Жеребкин М.В. Присоединение Крыма к России Екатериной II как способ решения исторических задач государства во второй половине XVIII века // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 5. С. 24-28.
8. Асонов Н.В. Большая Евразия: цивилизационные перспективы России // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 2. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2019. С. 44-47.
9. Бондарева Е.А. Влияние глобализационных процессов на содержание экономической функции Российского государства // Общество и право. 2013. № 1. С. 22-26.

References

1. Zlobin A.N., Cherenkov R.A., Borisova A.A. Acceptance by Peter I of the imperial title in the context of the evolution of ideas about the character of Moscow sovereigns // Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2018.Vol. 20.No.3.P. 22-28 [in Russian].
2. Talina G.V. Choice of the path: Russian autocracy in the second half of the 17th - first quarter of the 18th century. Moscow: Russkiy Mir, 2010.448 p. [in Russian].
3. Sugrey L.A. On the question of the traditional character of Russian legal awareness // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 1 (73). S. 37-46 [in Russian].
4. Froyanov I.Ya. Slavery and tributary among the Eastern Slavs. SPb.: Ed. St. Petersburg University, 1996.512 p. [in Russian].
5. Kodan S.V., Fevralev S.A. Local law of the national regions of the Russian Empire in the policy of the supreme power (second half of the 17th - early 20th century) // Russian legal journal. 2012. N 6.P. 224 - 235 [in Russian].
6. Tsymburgsky V.L. Twice-born "Eurasia" and the geostrategic cycles of Russia // Bulletin of Eurasia. 2003. No. 4. S. 5-33 [in Russian].
7. Zherebkin M.V. The annexation of Crimea to Russia by Catherine II as a way of solving the historical problems of the state in the second half of the 18th century // Manuscript. 2020, vol. 13, N 5.S. 24-28 [in Russian].
8. Asonov N.V. Greater Eurasia: Civilizational Perspectives of Russia // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. Yearbook. Issue 2. Part1. M.: INION, 2019.S. 44-47 [in Russian].
9. Bondareva E.A. The influence of globalization processes on the content of the economic function of the Russian state // Society and Law. 2013. N 1.S. 22-26 [in Russian].